

М. Ю. Матвеев

Парадоксы потока литературы о национальных библиотеках мира

Рассматриваются особенности потока литературы, связанного с деятельностью национальных библиотек (НБ) различных стран мира. Делается вывод о том, что НБ, при всей своей заметности, остаются наименее исследованным типом библиотек, чему способствует ряд объективных факторов. Отмечаются тенденция к обзорности, лаконичности и унифицированности существующих публикаций, незначительное внимание к изучению восприятия деятельности НБ обществом, малое количество литературы о научной деятельности НБ и др. Из факторов, влияющих на специфику потока литературы, выделяются стереотипы профессионального сознания библиотекарей, уникальность функций НБ, «расслоение» публикаций на бумажные и электронные в зависимости от их содержания, малозаметность статей о НБ среди заметок о других библиотеках, неодинаковое распределение материалов по конкретным темам и профессиональным журналам, а также избирательное отношение «независимых» СМИ к событиям, происходящим в крупнейших книгохранилищах.

Ключевые слова: национальные библиотеки, специфика первоисточников, неисследованные темы, имидж библиотек, история библиотек, профессиональное сознание библиотекарей

Mikhail Y. Matveev

Paradoxes of literature flow about national libraries of world

Features of the flow of literature related to the activities of national libraries (NL) of various countries of the world are considered. The conclusion is made that NL, for all their prominence, remains the least researched type of library, which is facilitated by a number of objective factors. There is a tendency for visibility, laconism and unification of existing publications, insignificant attention to the study of perception of the activity of the NL by the society, a small amount of literature on the scientific activity of the NL, etc. Among the factors influencing the specificity of the literature flow are stereotypes of the professional consciousness of librarians, stratification of publications for paper and electronic, depending on their content, low visibility of articles about NL among notes about other types of libraries, unequal distribution of materials on specific topics and professional journals, as well as the selective attitude of «independent» media to the events taking place in the largest book depositories.

Keywords: national libraries, specificity of primary sources, unexplored topics, image of libraries, history of libraries, professional consciousness of librarians

DOI 10.30725/2619-0303-2018-3-151-158

Несмотря на огромное количество публикаций, посвященных национальным библиотекам (далее НБ) различных стран, в их деятельности остается множество моментов, обойденных вниманием исследователей. Причины такого положения различны и далеко не всегда очевидны.

Современные книги и статьи об этих библиотеках заставляют взглянуть на их работу с разных точек зрения. «Для библиотечного дела наступили сложные времена... Появились возможности серьезных качественных перемен, но одновременно возникла острая конкуренция с другими информационными учреждениями, в которой библиотеки должны доказать не только свои возможности, но и незаменимость для общества. С национальными библиотеками... вопрос стоит особенно остро. Они – обладатели ценнейшего информационного и культурно-исторического потенциала. Будет ли он наращиваться и использоваться все активнее или превратится в

застывший архив достижений человеческого ума и творческой энергии?» [1, с. 3]. В конце XX – начале XXI в. подобные вопросы стали все чаще появляться на страницах профессиональной печати (в особенности зарубежной), причем содержание статей постепенно становилось все более и более дискуссионным. «Нуждаемся ли мы в национальных библиотеках, а если да, то в каких?» [2], «Национальная библиотека в электронную эпоху: динозавр или катализатор процессов?» [3]. Такие заголовки – отнюдь не редкость, причем у каждого исследователя имеется своя логика. Одной из основных причин различий во взглядах на будущее НБ (а они колеблются от безусловно оптимистических до крайне пессимистических) является как раз то, что «национальные библиотеки (НБ) как сообщество – самая заметная, но в то же время наименее познанная часть учреждений, характеризующих современное библиотечное дело» [4, с. 191].

На первый взгляд, имеющаяся литература о НБ выглядит очень внушительно – причем, это касается и типов, и жанров, и тематики публикаций. Наиболее существенные источники можно разделить на несколько групп:

- отечественные и зарубежные библиотечные энциклопедии, содержащие материалы по НБ, а также обзоры их деятельности;

- отдельные исследования и сборники, посвященные библиотечному законодательству разных стран и затрагивающие деятельность крупнейших библиотек;

- общие работы по истории библиотек различных стран мира;

- материалы конференций и сборники научных трудов;

- сборники переводов зарубежной литературы, касающейся деятельности НБ, а также отдельные статьи аналогичной тематики;

- результаты международных исследований работы НБ, отчасти затрагивающие проблему имиджа;

- книги и статьи по библиотечной архитектуре;

- исследования читателей НБ;

- статьи о проблемах, стоящих перед НБ;

- статьи и книги о деятельности отдельных НБ;

- сайты НБ, дающие представление о данных библиотеках и содержащие ряд официальных материалов, включая годовые отчеты, стратегические планы и т. п.

Однако более внимательный анализ позволяет выявить множество лагун, недоговоренностей, а порою и «общих мест» (нередко бывает так, что одни и те же сведения об НБ «кочуют» по множеству источников).

Прежде всего, можно отметить тот факт, что большинство публикаций, так или иначе связанных с деятельностью отечественных и зарубежных НБ, носит либо обзорно-аналитический, либо юбилейный, либо узко-теоретический характер (в особенности это касается дискуссии о функциях НБ, тянущейся еще с 1960-х гг., что, кстати, свидетельствует о невозможности ее однозначного и приемлемого для всех исследователей завершения). Самая же главная проблема, на которую можно обратить внимание в данном случае, – это лаконичность источников, будь то энциклопедические статьи, аналитические обзоры или даже публикации о деятельности той или иной НБ: если выделять материал по каждой конкретной проблеме в отдельности, он нередко оказывается либо предельно обобщенным, либо слишком сжатым. Не лучше обстоит дело и с историческими исследованиями: они подробны только по отношению к отдельно взятым библиотекам, но не к НБ как типу би-

блиотек. Здесь достаточно упомянуть о том, что истории возникновения разных НБ настолько не похожи друг на друга, что делают затруднительным даже выделение общей «точки отсчета», т. е. момента, когда возникшую в определенной стране библиотеку становится возможным рассматривать в качестве национальной (в одних случаях такой «точкой» становится получение обязательного экземпляра, в других – возникновение предшественницы НБ – королевской или императорской библиотеки, в третьих – открытие королевской библиотеки для широкой публики, в четвертых – становление нового государственного строя или нового государства, в пятых – формирование нации как таковой и т. д.).

Еще одна причина, влияющая на тематику, содержание и даже на количество публикаций, заключается в уникальности НБ как типа библиотек: в большинстве государств имеется только по одному национальному книгохранилищу. Именно поэтому возникает парадокс: как бы ни были важны оценки деятельности НБ для всего библиотечного дела определенной страны, рациональнее все-таки рассматривать и исследовать ряд сопоставимых друг с другом организаций. Данная особенность в наибольшей степени проявилась в отношении изучения общественного мнения: при обилии работ, посвященных имиджу публичных, учебных и даже специальных библиотек, НБ действительно оказались учреждениями, изученными менее всех прочих.

Исследования, в которых бы анализировался имидж разных НБ, отсутствуют: практически все имеющиеся статьи и отчеты в лучшем случае касаются отношения читателей и общества к отдельно взятой библиотеке. Различается и глубина ретроспекции при освещении тех или иных проблем: исследователи чаще всего приводят лишь отдельные факты из истории различных библиотек или сразу же обращаются к современности. При этом факторы, влияющие на имидж НБ, влияющие на восприятие НБ существующих в обществе «библиотечных» стереотипов, образ НБ в литературно-художественных произведениях и некоторые другие вопросы никогда не сводились в одном издании, а некоторые из них не рассматривались вообще. В данном случае решающим фактором оказалась инертная позиция самих НБ: в большинстве из них вплоть до 1990-х гг. социологических исследований вообще не проводилось.

Причины этого многообразны. Во-первых, здесь сказалось представление, что читательской аудиторией НБ является вся нация, причем

не только нынешнее, но и будущие поколения, для которых и сберегается национальное документальное наследие. Даже если сегодня широкие слои населения не проявляют интереса к хранящимся в библиотеке материалам, потенциально именно они являются потребителями национального достояния. Соответственно, делался вывод, что количество читателей, равно как и посещений, для НБ не выглядит чем-то принципиально важным.

Во-вторых, наиболее авторитетная читательская аудитория НБ – исследователи со всего мира, обращающиеся в нее как в «последнюю инстанцию». Их круг интересов представляется достаточно стабильным и не требующим какого-либо специального изучения.

В-третьих, НБ сами по себе немногочисленны, и результаты исследований их деятельности трудно интерпретировать: спрос в этих библиотеках нельзя назвать типичным. То же самое касается и общей оценки их деятельности.

В конечном итоге маркетинговые исследования в НБ стали появляться только в конце XX в. (и то далеко не везде), причем это было вызвано не столько желанием самих библиотек, сколько существенными переменами во внешней среде.

Прежде всего, сказались финансовые трудности: в 1980-е гг. учреждения культуры, в том числе библиотеки, стали объектом пристального изучения с точки зрения соответствия поступающих средств качеству предоставляемых услуг. В эти же годы в западном библиотековедении утвердился тезис о необходимости отхода от «элитарной» концепции НБ как «библиотеки для ученых» к более демократической концепции НБ как «библиотеки для всех». Именно с этого времени усиливается стремление НБ доказать свою значимость, стать местом проведения различных мероприятий, на которые приглашаются все желающие.

Далее можно отметить существенные изменения в составе читателей: в конце XX в. на сцену вышло новое поколение «искателей знания», ожидающих быстрого и легкого доступа к информации, лучше всего – из собственного дома (или студенческого кампуса). Конечно, НБ традиционно не ориентировались на подобных пользователей, но именно это и дало толчок изучению изменившихся запросов читателей, в том числе в электронной среде.

И, наконец, сказались бум библиотечного строительства, пришедший на конец XX в. Освоение нового здания – это практически всегда повод для переосмысления читательской аудитории, сопоставления качества обслуживания в разных помещениях, осмысления перспектив

комплектования и хранения литературы, использования современных технологий и т. д. [5].

В определенной степени на специфику потока литературы о деятельности НБ влияют и новые информационные технологии: все большее количество публикаций (включая годовые отчеты и стратегические планы) оказывается представленным в электронном виде. При этом некоторые из них (результаты отдельных социологических опросов, исследования сайтов НБ, сведения об организации PR и другие весьма ценные материалы) наличествуют только в Сети. С одной стороны, это, конечно, способствует их доступности для пользователей, но с другой – «век» таких материалов порою оказывается недолгим, и к тому же всегда остается риск упустить за обилием информационных сообщений нечто важное. Что же касается самих сайтов НБ, то они все больше и больше напоминают своеобразную «библиотеку в библиотеке», далеко не во всем напоминающую свой «физический» оригинал. Здесь же можно отметить и обстоятельство несколько иного рода: как ни странно, большинство дискуссионных статей, посвященных будущему НБ, первоначально было размещено в специализированных печатных изданиях (и не все они впоследствии попадали в Интернет), в то время как «изначальные» электронные публикации в данном случае довольно редки [6]. Отсюда следуют два вывода: а) поиск литературы о НБ оказывается в зависимости от конкретной темы: одни вопросы лучше представлены в профессиональных журналах, в то время как другие – в Интернете; б) проблемы НБ, обычно, оказываются предметом рассмотрения узкого круга специалистов, а не широкой публики.

Сразу после информационных технологий (и во многом в связи с ними) можно упомянуть и еще одну проблему: малозаметность публикаций об НБ в общем потоке материалов по библиотечному делу. Разумеется, если сравнивать НБ с любой другой отдельно взятой библиотекой, то преимущество в этом отношении будет у НБ; но если рассматривать публикации по типам библиотек, то НБ будет занимать самую скромную позицию. Кроме того, при поиске информации о деятельности НБ (в особенности, если речь идет о СМИ) возникает огромное количество информационного шума (публикации об определенных книжных и рукописных памятниках без ссылки на саму библиотеку, эпизодические упоминания об использовании НБ отдельными писателями, учеными и общественными деятелями без характеристики ее деятельности, беглые упоминания о проектах, ведущихся или финансируемых данной библиотекой, и т. д.), а также нерелевантных понятий типа «нацио-

нальный день библиотек» («national library day»), «национальная библиотечная неделя» («national library week»), «национальный библиотечный фестиваль» («national library festival») и др.

Помимо малозаметности публикаций об НБ, определенной роль играет и их избирательное распределение по темам (даже без учета недостаточной изученности имиджа этих библиотек): хотя большинство из подобных статей действительно «работает» на известность, престиж и репутацию НБ (они относятся к общей характеристике ее деятельности, оцифровке фондов, применяемым технологиям, консервации и реставрации и т. д.), встречаются и существенные пропуски. Так наименьшее количество публикаций относится к сопоставлению зданий различных НБ, их достоинств и недостатков (и это при обилии общей литературы о библиотечной архитектуре), обслуживанию читателей в стенах самой библиотеки (если учитывать общую тенденцию к уменьшению общего количества реальных посетителей, то возникает ощущение, что этой теме НБ начинают просто стыдиться), а также организации МБА [7, р. 77–78, 86].

Некоторые вопросы еще только ждут своих исследователей. Так, возможно ли изучение организационной культуры, психологического климата и стиля руководства НБ в исторической ретроспективе? Действительно ли ведение библиотечных блогов – насущная задача НБ? И такой ли уж это уникальный и «штучный» процесс, что при нем невозможно сравнить опыт различных библиотек? Насколько справедлив профессиональный стереотип о принципиальной непохожести НБ друг на друга? Возможно ли создание национальной электронной библиотеки, которая удовлетворяла бы всех пользователей? В какой мере на имидж и репутацию НБ влияет их библиографическая деятельность? (Как ни странно, последний вопрос ничуть не проще, чем все предыдущие: чаще всего будучи центрами национальной библиографии, НБ весьма скупо описывают создание научно-вспомогательных указателей, уделяя больше внимания журналам и бюллетеням для читателей).

Отдельный и весьма болезненный вопрос – это состояние научных исследований в НБ. Хотя научно-исследовательская работа (НИР) как одна из функций НБ стала упоминаться в профессиональной литературе едва ли не позднее всех остальных функций (примерно со второй половины 1960-х гг.), ее значение ни в коем случае нельзя недооценить: чем совершеннее и успешнее библиотека, тем активнее ее исследовательская деятельность, и наоборот. Кроме того, в современном быстроменяющемся мире НБ как главные библиотеки своих стран должны

знать, что происходит и чего следует ожидать в будущем, а достичь этого можно только с помощью научных исследований [8, с. 25].

Тем не менее даже в начале 1990-х гг. подавляющее большинство НБ мира все еще не придавало НИР заметного значения. Согласно данным Г. Корниша, разославшего в 1990–1991 гг. анкеты в 120 НБ и получившего ответы из 72 библиотек, только 29 их них «в определенной мере» занимались научными исследованиями (причем 13 ограничивались изучением своих собственных проблем). Еще 20 указали, что сами не ведут НИР, но координируют ее в масштабах страны, а 7 – лишь поддерживают исследования в той или иной форме [9, р. 32].

Впоследствии выходили и другие исследования, затрагивающие вопрос о НИР в НБ и содержащие пусть и более оптимистичные, но все-таки не самые радужные выводы. Так в исследовании CENL «Исследовательская работа в европейских национальных библиотеках в области сохранения культурного наследия и информационно-коммуникационных технологий» (2006), охватившем 39 НБ Европы, отмечалось, что у этих библиотек нет единства даже в подсчете результатов собственных усилий: одни из них учитывают только исследовательские проекты (research projects), другие фиксируют все выходящие труды, начиная от статей и тезисов и кончая диссертациями. Существенно различался и штат научных сотрудников, причем некоторые НБ (Боснии и Герцеговины, Кипра, Сан-Марино и Мальты) из-за финансовых и организационных ограничений научного персонала вообще не имели [10, р. 16–20].

НИР в НБ в целом неоднородна: есть индивидуальные исследования, касающиеся библиотечного дела в целом или выходящие за его пределы (чаще всего – история книги и библиотек, социология чтения) и исследования институционального характера, направленные на совершенствование деятельности самих НБ. Проблема заключается в том, что в условиях финансовых ограничений научные силы обычно отвлекаются от библиотечных исследований на решение повседневных задач, что в стратегической перспективе отрицательно сказывается и на теории, и на практике библиотечного дела.

Нет единства и в непосредственной организации НИР: в разных НБ она может быть сконцентрирована как в одном отделе, так и в нескольких и даже во многих, и какой же вариант лучше, остается неизвестным.

Примеры структурных подразделений НБ, занимающихся НИР, весьма разнообразны (информация об этих отделах, пусть и весьма не-

полная, имеется на сайтах НБ). Так, в составе НБ Республики Казахстан и НБ Латвии существуют Научно-исследовательские отделы, в структуре НБ Эстонии – Отдел библиотековедения. Одним из подразделений НБ Венгрии является Библиотечный институт, включающий Отдел исследований и организационного развития, Отдел информации по комплектованию фондов, Отдел образования и Библиотеку по библиотековедению и информатике. Нечто подобное имеется и при НБ Чехии (Институт книговедения), НБ Польши (Институт книги и чтения, Библиографический институт, Институт консервации библиотечных фондов), НБ Украины (Научно-исследовательский институт библиотековедения, Институт украинской книги и рукописей), а также при Национальной и Университетской библиотеке Словении (Центр библиотечных исследований).

Своеобразным выглядит опыт Китая: в структуре НБ данной страны нет научно-исследовательского отдела, однако при библиотеке работает Китайское общество библиотековедения, ведущее исследовательскую работу в своей сфере.

При НБ Японии до ее реорганизации в 2002 г. существовал Институт библиотечной и информационной науки (вместо него был впоследствии открыт Отдел проектов, хотя эта замена была неравноценной и вызвала сожаления у многих библиотекарей). Из других стран можно назвать Бельгию (Национальный центр истории науки, Национальный центр археологии и истории книги), Великобританию (Центр исследований и инноваций, Центр чтения «Слова для жизни»), Данию (Исследовательский отдел), Канаду (Центр книги), Мексику (Институт библиографических исследований), Нидерланды (Отдел библиотековедческих исследований и документации), Перу (Отдел библиографических исследований), США (Национальный центр книги и др.), Швецию (Бюро национального планирования и координации) и ЮАР (Центр книги).

Сказанное, конечно, не означает, что в НБ, не имеющих отдельных научных подразделений, библиотечные исследования не ведутся вообще. Точно так же нельзя утверждать, что в тех НБ, где выделены соответствующие отделы, за проведение НИР отвечают только они. Тем не менее зарубежная библиотечная наука в целом имеет более прагматичный характер, чем это было на протяжении многих десятилетий свойственно советскому библиотековедению, равно как и библиотековедению в странах бывшего социалистического лагеря. Соответственно, крупные работы теоретического плана скорее будут написаны препода-

вателями библиотечных школ, чем сотрудниками или директорами НБ (хотя имеются, конечно, яркие исключения вроде бывшего директора Британской библиотеки М. Лайна).

Прагматичность и прикладной характер исследований накладывают свой отпечаток и на их непосредственную тематику. Больше всего внимания уделяется совершенствованию законодательной базы функционирования библиотек и обязательного экземпляра, работе над национальными программами продвижения чтения и созданием центров книги, изучению истории книги, цензуры, отечественного и зарубежного библиотечного дела и библиографии с целью выявления положительного опыта, способствующего совершенствованию библиотечной системы страны и деятельности НБ, а также координации исследований в этих областях, научным основам функционирования национальной цифровой (электронной) библиотеки, созданию национальных библиографических репертуаров в традиционной и электронной форме.

В деятельности самих НБ акцент делается на анализе изменений состава читательской аудитории, обусловленных миграционными процессами, развитием мобильных средств связи и другими факторами, изучении потребностей пользователей, проведении исследований по экономической эффективности услуг, оказываемых НБ, оценке стоимости платных услуг, обосновании роли НБ в развитии национальной структуры библиотечного дела, внедрении систем обучения и подготовке библиотечных работников НБ и других библиотек страны, проведении исследований в области гуманитарных наук (полиграфия, палеография, литературоведение, социология и др.) с целью раскрытия фондов НБ и введения в научный оборот уникального документального наследия, разработке профиля комплектования НБ с учетом изменения структуры документального потока, исследовании проблем соотношения печатных и электронных документов в фондах НБ, изучении путей развития НБ в изменяющемся мире, исследовании изменений в области технологических процессов и обслуживания читателей в условиях освоения новых зданий и др.

В конечном итоге НИР оказывается хорошо поставленной либо в тех НБ, в которых исторически уделяется много внимания индивидуальным исследованиям, либо в тех, которые выполняют функцию парламентских и имеют мощные исследовательские службы (к примеру, Исследовательская служба Библиотеки Конгресса США и Бюро исследований Национальной парламентской библиотеки Японии).

Таким образом, декларируемая в библиотечной прессе функция лидерства НБ среди библиотек своей страны оказывается под вопросом по достаточно простой причине: полной уверенности в том, что лучшие специалисты-библиотековеды работают именно в этих библиотеках, равно как и в том, что именно в них ведутся наиболее важные исследования в области библиотечного дела, все-таки нет.

К данной проблеме, впрочем, можно подойти и несколько иначе: НБ в своем большинстве недостаточно активно позиционируют себя как научные учреждения, в особенности, если говорить о научной деятельности в целом, а не об отдельных программах или проектах, получивших отражение в библиотечной прессе и национальных СМИ. Между тем значение научной работы НБ трудно переоценить: существуют целые направления, в которых лидируют именно эти библиотеки, и их невозможно заменить иными организациями. К числу таких направлений можно отнести:

- участие в создании законодательной базы функционирования библиотек страны;

- библиографическую деятельность НБ, начиная от вопросов, связанных с национальным библиографическим репертуаром и кончая созданием системы научно-вспомогательных библиографических указателей и каталогов выставок с развернутыми научными комментариями;

- проведение исследований, связанных с историей книги (поскольку НБ являются хранителями книжного и рукописного наследия своих стран, их роль в этом отношении чрезвычайно велика);

- изучение проблем консервации и реставрации фондов (в этом отношении НБ, как правило, является признанным лидером);

- обоснование концепции и направлений развития национальной электронной библиотеки (ожидания всех остальных «традиционных» библиотек страны в этом вопросе обычно оказываются связанными именно с НБ);

- разработку национальных программ продвижения книги и чтения, а также проведение социологических исследований чтения в библиотеках страны.

И даже в тех вопросах, в которых лидерство НБ не кажется очевидным, их научная деятельность оказывается достаточно весомой по той простой причине, что все остальные библиотеки страны так или иначе интересуются ее достижениями и стремятся соответствовать задаваемому уровню разработок и исследований. Конечно, трудно утверждать со стопроцентной вероятностью, что НБ однозначно лидируют в отношении исследований истории библиотеч-

ного дела – но они так или иначе занимаются и собственной историей, и анализируют опыт аналогичных библиотек в других странах мира. То же самое можно сказать и о стратегическом планировании (в принципе, этим направлением должна, в первую очередь, интересоваться именно НБ), и об изучении запросов читателей и их отношения к библиотечному обслуживанию (в данном случае можно говорить о самом широком «спектре» пользователей и их оценок), и о вопросах библиотечного строительства и реконструкции зданий (для НБ эта тема всегда была чрезвычайно актуальной), и многих других проблемах и направлениях.

Имеющиеся источники о работе НБ, если их рассматривать в совокупности, вызывают и вопросы общего плана. В качестве весьма интересного примера, иллюстрирующего проблемы, связанные с анализом потока литературы о деятельности НБ, а также с тем образом данных библиотек, который возникает у читателей на основе имеющихся публикаций, можно упомянуть работу шотландских исследователей Д. Хантера и П. Хамбелтона «Библиометрический подход к оценке значимости национальных библиотек». В ней отмечается необходимость изучения ссылок на НБ в самых разных источниках, начиная от упоминания их коллекций до выражения благодарности за помощь их сотрудникам в статьях и монографиях различных ученых. Авторами исследования были использованы пять поисковых систем и баз данных, которые они условно назвали «агрегированными исследовательскими шлюзами»: Google Scholar, JSTOR, Web of Knowledge, Oxford Journals Online и Science Full Text Select. Хронологический охват материала составил 10 лет, с 2000 по 2010 г. Всего в исследовании рассматривались публикации и упоминания о 5 НБ: Шотландии, Уэльса, Австралии, Нидерландов и Британской библиотеке.

В результате было выявлено немало объективных факторов, мешающих НБ позиционировать себя в выигрышном свете. В их числе – политика издателей, неохотно предоставляющих пользователям сведения о последних по времени публикациях (не говоря уже о полнотекстовом доступе), сложности с оцифровкой тех или иных источников, замедленность процесса доведения результатов исследований до научной общественности (что зависит не только от редакций журналов, но и от самих сотрудников НБ), неоднородность результатов поиска в зависимости от конкретной поисковой системы (лучше всего публикации о НБ представлены в Google Scholar), слишком большой разрыв между крупнейшими и «среднестатистическими» НБ (по количеству упоминаний предска-

зуюмо лидирует Британская библиотека), несбалансированность тематики публикаций или ее недостаточная широта, существенный «дисбаланс» в ссылках (исследователи чаще ссылаются на рукописные и старопечатные фонды той или иной НБ, чем на какие-либо другие) и др. Кроме того, опять-таки, делается вывод о том, что по имеющимся публикациям можно судить далеко не обо всех темах и направлениях работы: роль НБ как лидера библиотечной системы своей страны, ее методическая помощь другим библиотекам, международное сотрудничество и ряд других вопросов в печати отражаются явно недостаточно [11, р. 6–9, 12–14].

Данными исследователями был сформулирован и общий парадокс использования НБ читателями-специалистами: с одной стороны, в научной литературе есть ссылки на НБ, которые на поверку оказываются случайными, «техническими» и «проходными», а с другой – даже при тщательном библиометрическом анализе очень многое остается «за кадром», т. е. реальное значение НБ для исследователей скорее недооценивается, чем переоценивается.

Неоднозначной представляется и ситуация с распределением публикаций о деятельности НБ по профессиональным библиотечным журналам. По данным Л. Робинсон на 2014–2015 гг., хотя общее количество подобных журналов очень велико, применительно к НБ с большим отрывом лидируют только 4 из них: «Bibliothek Forschung und Praxis», «Library Trends», «IFLA Journal» и «Scandinavian Library Quarterly». Любопытно, что специализирующаяся на проблемах НБ «Alexandria» не заняла лидирующих позиций – отчасти из-за плохой представленности этого журнала в различных базах данных, отчасти из-за упоминаний НБ в редакторских передовицах, а не авторских статьях, отчасти из-за обилия статей иной тематики [7, р. 81–82].

Не менее сложным представляется и положение с «независимыми» СМИ, куда во множестве попадают статьи, заметки и репортажи о деятельности тех или иных НБ. Дело заключается в том, что при всем обилии публикаций «общественный имидж, созданный прессой и телевидением, вращается вокруг ограниченного количества тем» [12, р. 67]. Как правило, это «юбилейные» репортажи, заметки о крупных выставках и культурных программах, завещаниях в пользу НБ, покупке коллекций, спасении и реставрации культурных ценностей, строительстве и открытии новых зданий (причем, нередко в критическом духе), а также чрезвычайных происшествий. Вполне понятно, что при таком подходе ряд тем вообще оказывается вне поля зрения журналистов.

Здесь же можно упомянуть и о некоторой уязвимости НБ с позиций создания о них общественного мнения: эти библиотеки не имеют четко выраженной читательской аудитории и осязаемых результатов деятельности, а их роль в экономике страны не всегда очевидна (хотя некоторые исследования в этом отношении все же производились, причем с очень хорошими результатами для НБ [13]). Подобная неопределенность порою приводит к созданию журналистами причудливых, мозаичных, а то и вовсе непривлекательных образов. Вот типичный пример из отечественной прессы: «За последние сто лет в Румянцевскую Ленинку записались 6 миллионов человек. Ежегодно ее посещают более двух миллионов, выписывая до 15 миллионов книг, при общем количестве „единиц хранения“ свыше 40 миллионов в настоящее время. Но не знаю, подсчитал ли кто, сколько порождено ею миллионов дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций, полезных изобретений и завиральных идей, халтурных компиляций и планов благодетельствовать человечество или, по крайней мере, Россию. Никакой статистики не учтено, сколько в Румянцевке-Ленинке заведено знакомств, переросших в дружбу на всю жизнь, сколько было флиртов, обернувшихся браками, прочными и непрочными. Зато, согласно учету, на порог библиотеки не ступала нога Б. Н. Ельцина» [14].

Сказанное позволяет прийти к следующим выводам.

1. При всем обилии источников, посвященных деятельности НБ, эта тема «зияет» многочисленными лакунами и недоговоренностями. Часть из них вызвана тем, что некоторые проблемы (и, прежде всего, проблема маркетинга) стали для них актуальными лишь в самом конце XX в., а другая часть – уникальностью функций и положения НБ среди библиотек страны.

2. Существенное значение имеет презентация результатов работы НБ в Интернете, начиная от возможностей поисковых систем и политики издателей и кончая усилиями самих НБ по популяризации трудов и достижений своих сотрудников.

3. НБ всегда будут страдать от некоторой недооценки своей деятельности, причем как со стороны профессионалов из других библиотек, так и широкой публики. Причины этого состоят в трудоемкости подсчета эффективности работы НБ для общества, трудностях определения своей лидирующей роли по отношению к библиотекам страны и весьма предвзятом (или, по крайней мере, избирательном) отношении СМИ к тому, что происходит в этих библиотеках.

Список литературы

1. Федоров В. В., Тюлина Н. И. Национальная библиотека: взгляд через призму эволюции функций // Национальная библиотека в современном социокультурном процессе: Румянцевские чтения–2002 / Рос. гос. б-ка; сост. Л. Н. Тихонова. Москва, 2002. Вып. 2: Доклады и сообщения. С. 3–12.
2. Line M. Do we need national libraries, and if so what sort? // *Alexandria*. 1990. Vol. 2, № 2. P. 27–38.
3. Lor P. National library in the 21st century – dinosaur or dynamo // *South African j. of libr. and inform. science*. 1998. Vol. 66, № 4. P. 131–138.
4. Веджворт Р. Национальные библиотеки и национальный характер // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. 1994. Вып. 135/136. С. 191–198.
5. Хашизуме А. Использование показателей в Национальной парламентской библиотеке: система оценок деятельности // Новости Междунар. федер. библ. ассоц. и учреждений. 2009. № 3 (78). С. 22–24.
6. Green A. National libraries: where next? URL: <https://llgc.org.uk> (дата обращения: 17.07.2018).
7. Robinson L. The Literature of national libraries: a bibliometric snapshot for 2014–2015 // *Alexandria*. 2016. Vol. 26, № 2. P. 77–90.
8. Багрова И. Ю. Научно-исследовательская работа национальных библиотек: обзор материалов зарубежной печати 1980–1996 гг. // Библиотековедение. 1996. № 4/5. С. 24–36.
9. Cornish G. P. The Role of national libraries in the new information environment. Paris: Gen. Inform. Progr. and UNISIST, United Nations Educational, Sci. and Cult. Organization, 1991. 96 p.
10. Maňžuch Z., Knoll A. Research activities of the European national libraries in the domain of cultural heritage and ICT. 2006. 62 p. URL: <http://academia.edu> (дата обращения: 17.07.2018).
11. Hunter D., Hambelton P. A bibliometric approach to evaluating the impact of national libraries // *Libr. and inform. research*. 2011. Vol. 35, № 111. P. 3–19.
12. Law D. Ah well! I am their lider, I must follow them // *Alexandria*. 2000. Vol. 12, № 2. P. 67–69.
13. The British Library. Measuring our value. London, 2002. 27 p. URL: <https://bl.uk> (дата обращения: 17.07.2018).
14. Жуков Д. Откликнитесь!: о состоянии РГБ // *Завтра*. Москва, 1997. 1 апр.

References

1. Fedorov V. V., Tyulina N. I. National library: view through prism of evolution of functions. *Tihonova L. N. (comp.) National library in modern socio-cultural process: Rumyantsev readings–2002 / Russ. State Libr. Moscow, 2002. 2. Reports and messages, 3–12 (in Russ).*
2. Line M. Do we need national libraries, and if so what sort? *Alexandria*. 1990. 2 (2). 27–38.
3. Lor P. National library in the 21st century – dinosaur or dynamo. *South African j. of libr. and inform. science*. 1998. 66 (4). 131–138.
4. Wedgworth R. National libraries and national character. *Bibliotekovedenie i bibliogr. za rubezhom*. 1994. 135/136. 191–198 (in Russ).
5. Hashizume A. Use of indicators in National Parliamentary Library: system of assessments of activities // *IFLA News*. 2009. 3 (78), 22–24 (in Russ).
6. Green A. National libraries: where next? URL: <https://llgc.org.uk> (accessed: July 17. 2018).
7. Robinson L. The Literature of national libraries: a bibliometric snapshot for 2014–2015. *Alexandria*. 2016. 26 (2). 77–90.
8. Bagrova I. Ju. Research work in national libraries: review of foreign press materials, 1980–1996. *Bibliotekovedenie*. 1996. 4/5. 24–36 (in Russ).
9. Cornish G. P. The Role of national libraries in the new information environment. Paris: Gen. Inform. Progr. and UNISIST, United Nations Educational, Sci. and Cult. Organization, 1991. 96.
10. Maňžuch Z., Knoll A. Research activities of the European national libraries in the domain of cultural heritage and ICT. 2006. 62. URL: <http://academia.edu> (accessed: July 17. 2018).
11. Hunter D., Hambelton P. A bibliometric approach to evaluating the impact of national libraries. *Libr. and inform. research*. 2011. 35 (111), 3–19.
12. Law D. Ah well! I am their lider, I must follow them. *Alexandria*. 2000. 12 (2). 67–69.
13. The British Library. Measuring our value. London, 2002. 27. URL: <https://bl.uk> (accessed: July 17. 2018).
14. Zhukov D. Respond!: about situation in Russian State Library. *Tomorrow*. Moscow, 1997. Apr. 1 (in Russ).